

Методология экономических наук и проблема справедливости как евразийское взаимодействие

Беркова О.В., Мушинский Н.И.

Проблема справедливости тесно связана с товарно-денежными отношениями, адекватное изучение которых в контексте евразийского сотрудничества требует соответствующей конкретизации методологии экономических наук. Необходимо в полной мере овладеть инновационными методами прогнозирования, разработки элементарных экономико-математических моделей, шире использовать междисциплинарный подход на стыке экономической теории, политологии, нравственной философии (этики) и т.п. В современных условиях для Беларуси восточный вектор внешней политики, в том числе в формах евразийского взаимодействия, приобретает особенно важное значение. Об этом наглядно свидетельствует, в частности, официальный визит белорусского руководства в Корейскую Народно-Демократическую Республику (впервые состоявшийся на таком уровне 25 – 26 марта 2026 г., с подписанием договора о дружбе и сотрудничестве), а также – постоянно крепнущие экономические связи с Китаем, Казахстаном и другими дружественными странами «восточной дуги».

Впрочем, исходя из концепции «многополярного мира» и «многовекторной модели», Беларусь остаётся открытой и для взаимовыгодного сотрудничества с «западными партнёрами» (разумеется, с уважением геополитических интересов каждой из сторон, на основе универсальных критериев справедливости). Наглядный пример – состоявшиеся переговоры с представителями «трамповской» администрации, завершившиеся частичным снятием ранее наложенных несправедливых санкционных ограничений с белорусских авиаперевозок и экспорта калийных удобрений. Тем не менее, ситуация «на западе» всё ещё весьма далека от идеальной, поэтому «восточный вектор» евразийского взаимодействия остаётся как никогда актуальным, в наибольшей степени соответствует принципам справедливости.

В любом случае, чтобы составить объективную картину происходящего, понять движущие силы глобальных геополитических процессов, в том числе в контексте присущей им в последнее время общей турбулентности, целесообразно использовать критические научные методологические принципы.

Эксплицируя в конкретных условиях понятие «экономической науки», следует отметить, что это многоплановое явление, включающее в себя как абстрагированные информационно-аналитические формы, так и ряд прикладных аспектов. Первые касаются, главным образом, таких «эпистемологических» инструментов и объектов приложения, как статистика, математические методы, анализ хозяйственной деятельности. Во втором случае, затрагивается, в частности, ряд специализированных областей, таких, как финансы, кредит, экономика природопользования и т.п. Аналогично, осуществляется изучение более узких предметных структур (экономика отдельных отраслей, экономика промышленных предприятий).

Необходимо отдельно отметить, что все указанные объекты, на любых уровнях, берутся в непрерывном совершенствовании и в синергетическом саморазвитии. На этих принципах строятся, в частности, такие теоретико-познавательные дисциплины, как «история экономической мысли», «история народного хозяйства» и т.п.

Во всех перечисленных случаях важнейшее значение приобретают числовые показатели, поэтому особую эффективность проявляет теоретическая формализация, позволяющая перевести абстрагированные философско-экономические рассуждения о хозяйственных объектах в плоскость оперирования со знаками (формулами). В результате создается обобщенная знаковая модель, позволяющая раскрыть структуру экономических процессов при отвлечении от их качественных характеристик. Разумеется, в каждом данном случае должны особо оговариваться условия и ограничения, при которых та или иная формализация «работает» в достаточной мере эффективно.

Особое место занимает категория «справедливость» как этико-философская проблема, тесно связанная с изучением «хозяйственной подсистемы» общества как такового. В данном случае указанное экономическое понятие выступает как предмет отдельной теоретической дисциплины – науки «политэкономии». Вполне очевидно, что производственная подсистема, исходя из общепринятых критериев научности «дискурса», должна рассматриваться во взаимосвязи с другими факторами её саморазвития: социальной стратификацией, политикой, идеологией, моралью.

Сложные саморегулирующиеся системы стали объектом исследования в науке сравнительно недавно. Их изучение опирается на особый тип научной рациональности – постнеклассический [1, с. 239], реализация которого в массовом сознании стала завершающей стадией длительных процессов формирования и последующего скачка от «классической» парадигмы к «неклассической» и далее – к современности.

Речь идет об экстраполяции в сферу научного дискурса принципов гармонии и симметрии, абстрагированного интеллекта, как это происходило в «классическую» эпоху древнегреческих полисных демократий (Сократ, Платон, Аристотель, Демокрит), а также – в лице «немецкой классики начала XIX века» (Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель, Фейербах), тесно связанной с эстетикой «классицизма» примерно того же периода.

В научно-технической и экономической сфере на заключительном этапе этому соответствовала «классическая физика» (Ньютоновская механика) как теоретическая основа промышленного переворота Нового времени, помогавшая изобретать всё новые станки и машины для выпуска полезной продукции на заводах и фабриках.

«Неклассическая» парадигма начала формироваться на рубеже XIX – XX вв., когда обострились социальные противоречия индустриальной эпохи и начал постепенно ощущаться недостаток природных ресурсов; соответственно во многих странах наметились и произошли социальные революции,

а также были развязаны мировые войны (за «жизненное пространство», рынки сбыта промышленной продукции и сферы колониального влияния).

Философов и учёных стали интересовать уже не столько отношения с окружающей природой (как с помощью техники и критического интеллекта взять у неё побольше полезных ресурсов), а, скорее, проблемы элементарного выживания в ходе всё более масштабных социальных пертурбаций.

Это отразилось в фундаментальных категориях «неклассической» философии, таких, как «воля к жизни», «жизненный порыв», «благоговение перед жизнью» (витализм); «понимание Другого» (философская герменевтика); «бессознательное», «сублимация» (фрейдовский психоанализ); «моральный выбор» в «пограничных ситуациях» (экзистенциализм).

«Постнеклассическая» эпоха началась на рубеже третьего тысячелетия, в условиях всеобщей «информацизатизации» и «цифровизации», когда компьютерная техника проникла во все сферы экономики, «искусственный интеллект» охватывает самые разные стороны жизни. Завершилась научно-техническая «глобализация», сформировалось единое «информационное поле», начались массовые миграции населения со всё более острыми проявлениями «конфликта цивилизаций».

Мировое противостояние перешло на уровень «гибридных войн» (периодически переходящих в «горячую фазу»), когда основная борьба идёт за умы «продвинутых пользователей» с широким использованием разнообразных информационных «симулякров», «фэйковых» новостей, деструктивных слоганов «виртуальной реальности». Небольшим государствам становится всё труднее устоять под массивным «информационным» напором, сохранить политический суверенитет соответственно принципам справедливости.

Становится всё более очевидным, что в наши дни дальнейшие перспективы евразийских связей непосредственно пересекаются с синергетикой, предполагающей широкое использование информационных технологий. В подобном контексте в рамках экономической науки спонтанные, случайные изменения социальных систем можно, по аналогии с «постнеклассической» физикой

микромира, рассматривать как «флуктуации», приводящие к «точке бифуркации», за которой точно предсказать поведение системы невозможно, поскольку любая случайность может привести к неожиданным результатам.

Всё в немалой степени также зависит от разных вариантов «исходной пропозиции», что взять за «точку отсчёта» – товар или благо, объективную стоимость или ценообразование: «Здесь ключевой вопрос связан с мотивацией выбора такого начала. Что ученый или аналитик хочет... доказать?» [2, с. 95]. В зависимости от этого, разработка экономических теорий приобретает широкий спектр возможностей, допускает множественную вариативность практических выводов в контексте конкретных конъюнктурных потребностей.

Учитывать это необходимо, сталкиваясь с парадоксальным противоборством экспертных «мнений» на информационных просторах. Особое значение в «постнеклассической» рациональности приобретают ссылки на ценностно-целевые структуры, в частности, этико-культурологическая экспертиза, отражающая в быстро меняющихся геополитических условиях евразийские критерии справедливости.

Список использованных источников

1. Степин, В. С. Человек. Деятельность. Культура / В. С. Степин. – СПб.: СПбГУП, 2018. – 800 с.
2. Рязанов, В. Т. Хозяйственный строй России: на пути к другой экономике / В. Т. Рязанов. – СПб.: Издат. дом С. -Петербур. гос. ун-та, 2009. – 463 с.